

КНИГА ПОКОЛЕНИЙ

ЭТИМ летом я возвращался домой из Болгарии. Поезд подходил к Киеву, все пассажиры — жители разных городов, разного возраста, — стояли у окон, когда мелькнула белая табличка с надписью «Боярка». И сразу же забурился разговор о корчагинской узкоколейке, кто-то начал спрашивать о музее и памятнике — поразительно, как все знали имя этого городка, насколько жизнь Николая Островского и жизнь героя его книги были у всех на памяти — в наше-то время, когда потоки информации перехлестывают друг друга, и мы порой забываем не то, что о литературных героях, но даже о людях рядом и о самих себе.

Так или иначе, но за полстолетия, миновавшие с той поры, когда журнал «Молодая гвардия» начал печатать книгу, она стала событием не только литературной или культурной — но всей жизни, одним из самых знаменитых романов в истории.

Книга содержит в себе множество уроков. Один из них в том, что неизвестно общее число опечатанных экземпляров романа — далеко не всегда книжные палаты многих стран могли и хотели учитывать массовые подпольные тиражи книги Николая Островского. Английские литераторы рассказывали мне, как роман тайком доставлялся к ним через Бразилию и никто не знал адреса типографии; вьетнамская делегация, посетившая Союз писателей Украины, благодарила мастеров советской культуры — будто все они знали автора лично — за роман, как за великое подспорье в борьбе против американской агрессии — книгу раздавали в партизанских полках, уходивших к линии фронта. Сорок лет назад в югославских антифашистских партизанских отрядах титул «Корчагин» присваивался ука-

зом командования, как эквивалент героического звания, в осажденном израильскими убийцами Бейруте книга Островского хранилась вместе с боеприпасами...

У романа и вправду очень красивая и незаурядная судьба. Анализируя «Как закалялась сталь», критики непременно вспоминают об этом. Охватив собою огромный по содержанию период жизни страны, — гражданскую войну, илп, социалистическое строительство — небольшой по объему роман приобретает характер эпопеи, осмысливая вопросы всемирно-исторического значения. И еще один урок, очень важный — книга Николая Островского вплотную приближена к временам жизни ее героев — уже в момент написания она была очень смелым, острым, принципиальнейшим романом о современности — такой остается и сегодня. Писал книгу человек совсем молодой — он молодым и ушел из жизни. Писал книгу человек, не доживший до времен расцвета советской литературы, но сделавший для нашего расцвета и высокой репутации больше многих.

Сейчас, когда мы привычно жалуемся на бумажные дефициты и недостаточные тиражи, на то, что критики не обо всем пишут вовремя и не все нам разъясняют, как следует, я думаю, что с первых же дней «Как закалялась сталь» была окружена интересом поистине всенародным. С бумагой было потруднее, чем когда-либо, с полиграфическими возможностями тоже — но роман читали массово и массово откликались на его яркую публицистичность, на горячие призывы, на великий пример Корчагина.

Популярность книги вначале определилась у сверстников ее героя; он был одним из тысяч легендарных Павка, и любовь к нему была любовью к Революции, принятием знаменитого призыва — так пройти по жизни, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... Максимализм Павла Корчагина был средним духу времени; преобразовать мир можно было, только лишь всего себя отдавая великому делу. Сам Николай Островский писал слова, которые в других устах могли бы показаться чрезмерными — но лишь не у него, автора и прототипа Корчагина — «жить только для семьи — животный эгоизм, жить для одного человека — низость, жить только для себя — позор».

СЕГОДНЯ мы воспринимаем эти слова с расстояния времени. Но ни сегодня, ни через сто лет нельзя забывать о том, что если бы люди эти жили иначе — поколение Корчагина — Революция бы не выиграла своих самых первых, главнейших, битв, мы не построили бы своих первых тракторных заводов и электростанций, своих первых жилых кварталов и первых самолетов для своего неба. Поколение жило «на износ» и традицию самозабвенной верности великому делу оставило на все времена.

Не знаю других случаев, когда — как это было в годы Великой Отечественной с романом «Как закалялась сталь» — поступали бы предложения о награждении книги боевым орде-

мом. Не буду перечислять простреленных экземпляров «Как закалялась сталь», представленного в музеях истории, — роман брали с собой в атаку. В блокадном Ленинграде, падая от усталости, вращая ручные приводы старых типографских станков, отпечатали очередной тираж книги...

Недавно я прочел, как английский литературовед Д. Хоскинг, далеко не дружественный нам и не самый объективный исследователь — пытается ос-

мыслить нечто совершенно для него непонятное. «Но почему же тогда в блокадном, голодающем Ленинграде люди стояли в очереди, чтобы купить «Как закалялась сталь» Островского?» — вопрошает он.

Не только друзья, но и враги наши, давно уже поняли великую силу советской литературы и соединенность ее с главными устремлениями народной судьбы. Думая о Николае Островском, я вдруг прикасаюсь даже не к нашим с вами мыслям о нем, а хотя бы к тому, как пытаются выстроить систему толкований замечательного романа те, кому он не по душе.

Еще один англичанин, Р. Мельюзон, совсем недавно обнаруживал наблюдение достаточно интересное, вводя несокрушимого Павку в круг героев русской и советской литературы, которые никогда не нравились угнетателям. Этот автор отмечает, что в литературе социалистического реализма пульсирует живая традиция в изображении «цельного, актив-

ного, политически деятельного героя, традиция, протянувшаяся от Рахметова Н. Чернышевского к Павлу Корчагину Н. Островского». Это уже не литературоведение. То, что о романе написано в тысячи раз больше, чем содержится страниц в нем самом, подчеркивает факт, упомянутый нами уже в самом начале статьи: «Как закалялась сталь» — часть не только советской литературы, но всей жизни советской.

Что еще важно — роман является очень хлесткой пощечиной националистам всех пород: и украинским буржуазным прежде всего. Книга писалась о революционных событиях на Украине. По многим свидетельствам, автор впервые задумывал ее в украинском варианте. Когда в 1934 году в Киеве увидел свет украинский перевод «Як гартувалася сталь», Николай Островский немедленно отозвался на это: «Мне почти всю ночь читали книгу, — и ее редакция, и качество перевода очень хороши. Мне кажется, что на украинском языке книга выиграет, потому что диалоги происходят на родном языке действующих лиц». И при всем при том — ах, как противостоял роман всем попыткам загнать на хутора, провинциализировать культуру Украины, очистившейся в революционном огне!

Как он был заодно с творчеством Тычины и Сосюры, Довженко и Курбаса — всех тех, кто в непростом поиске, в братстве с мастерами культурной революции всех советских народов возводил и воспеивал новый мир! Острием направленный против петлюровщины, самозабвенно устремленный к интернационализму,

роман «Как закалялась сталь» учил жить и мыслить по-новому. Никогда еще ни один враг Советской власти не мог этого забыть Николаю Островскому.

Писатель был ранен и контужен на поле битвы, он громил неприятеля в непрекращающейся схватке идеологий. Даже упав, он побежден не был, адресуя свой подвиг потомкам. Недавно я вспомнил, что Ярослав Галан был всего на два года старше Николая Островского. Одно поколение, одна мечта, один интернационалистский дух, одна вера в коммунистическую идею.

ЕРОИ и автор в народных представлениях слились воедино. Относительно недавний хороший многосерийный фильм Киевской киностудии имени А. Довженко зримо представил нам эту неразделимость — Островский обращается к нам словами Корчагина и Корчагин читает вслух письма Островского. В огромном советском флоте есть единственное судно, названное именем литературного героя — «Павел Корчагин». Два года назад в чилийском революционном подполье был издан в испанском переводе роман «Как закалялась сталь», где краткое предисловие отождествляет жизнь писателя и его героя.

Что может быть выше? Сегодня, когда роману исполнилось полвека, давайте подумаем о том, какие судьбы срослись с этой книгой, какие времена, какие подвиги! И велик наш долг перед теми, кто основывал великую страну и великую культуру ее — жизнь, где слова «Корчагин» и «корчагинцы» логично продолжают друг друга, а дни навсегда тридцатидвухлетнего Николая Островского устремлены в вечность. Какой это человек был, какая книга оставлена нам!

Виталий КОРОТИЧ.